

Б. С. МЕЙЛАХ

«ДЕРЖАВИНСКОЕ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Н. М. ЯЗЫКОВА

В разработке вопроса о роли поэтического наследия XVIII в. в развитии новой русской поэзии советское литературоведение достигло значительных результатов. Особенно существенным представляется изучение с этой точки зрения связей творчества отдельных поэтов первой четверти XIX в. с поэзией Державина, в противоречивом художественном мышлении которого содержались отчетливо различаемые элементы романтического стиля. В этом плане наиболее исследовалось творчество Пушкина, усвоившего все ценное в наследии Державина и сумевшего аналитически осмыслить те стороны его поэтической системы, которые обусловили ее неупорядоченность и мешали всестороннему отражению действительности. Преодолев характерное для раннего периода своей творческой биографии безотчетно-панегирическое отношение к Державину, Пушкин впоследствии подошел к нему объективно. Он подчеркивал, что у Державина имеются «мысли, картины и движения истинно поэтические», но тут же добавлял: «Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника». Он утверждал: «Державин, со временем переведенный, изумит Европу» (т. е. перевод сгладит неупорядоченность стиля), но тут же писал, что он «не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии», «должен бесить всякое разборчивое ухо».¹ Отзыв Пушкина, написанный с позиций уже сложившейся в его собственном творчестве целостной реалистической системы, вскрывает внутреннюю художественную противоречивость поэзии Державина, в которой многое предсказывало новые пути поэтического творчества, но было столь невыдержанно, сочеталось зачастую с таким архаическим отношением к слову и образу, что немало его стихов действительно кажутся «дурным вольным переводом с какого-то чудесного подлинника» (хотя оригинальность этого поэта ярко выражена и находится вне сомнений).

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XIII, Изд. АН СССР, 1937, стр. 182.

Если значение Державина для Пушкина выяснено,² то мало сделано в этом отношении в исследованиях других поэтов этой же эпохи. Среди них значительный интерес в занимающем нас аспекте представляет поэзия Языкова. Исследуя ее, мы можем установить и общую закономерность: на новом этапе развития русской поэзии даже наиболее ценные элементы поэтической системы Державина, если они не подвергались творческой переработке в совершенно ином художественном методе, накладывали жесткие ограничения, резко сталкиваясь с требованиями художественного новаторства.

В рамках этой статьи мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса о сущности «державинского» в поэтической системе Языкова тем более, что вопрос о его творческих связях с традициями Державина у нас не освещался. В сводке С. Боброва, характеризующей отношение Языкова к различным представителям русской и мировой литературы, Державин даже не упоминается³ Нет имени Языкова и в книге А. В. Западова «Мастерство Державина» (1958), последняя глава которой специально посвящена державинским традициям в русской поэзии (здесь имеется ряд интересных замечаний о лирике Пушкина, поэтов-декабристов и др.). А между тем еще П. А. Вяземский подчеркивал особое значение для Языкова державинской поэзии:

Державина святое знамя
Ты здесь с победой водрузил
(«К Языкову»)

К личности и творчеству Державина Языков проявлял исключительное внимание с юных лет. В письмах к брату из Дерпта мы находим неоднократные упоминания об этом поэте, просьбы прислать его портрет («будет висеть на стене моей комнаты и развеселит мои уединенные занятия»), книги⁴ В стихотворении «Мое уединение» (1823) Языков, обращаясь к Державину, восклицал:

И ты, кумир поэта! ¹	И мудрую на троне
С высокою душой,	Прославивший поэт!
Как яркая комета,	Твой голос величавый
Горящей полосой	Гремит из рода в род
На русском небосклоне	И вечно не замрет
Возникший в дни побед	В устах полночной славы

Сильное воздействие поэтики Державина на поэзию Языкова сказывается при всей ее оригинальности уже в самой ее специфике, в тональности, образности.

² Эта тема затрагивается в той или иной степени во всех монографических работах как о Пушкине, так и о Державине

³ Сергей Бобров Н, М Языков о мировой литературе М, 1916

⁴ См Языковский архив, т I (1822—1829) СПб, 1913, стр 33, 39, 111, 145

Одной из наиболее характерных особенностей зрелой лирики Языкова является ее с исключительной силой выраженная эмоционально-эстетическая окраска, то, что сам Языков назвал выражением «живых восторгов». В этой автохарактеристике Языков верно определил своеобразие собственного поэтического мироощущения. Почти все, кто пытался в прозе или в стихах охарактеризовать особенности языковской поэзии, пользовались теми же определениями. В посланиях Языкову Баратынский говорил о его «восторге удалом», Ознобишин — о «восторгов дивных порывах», и даже туповатый граф Хвостов называл его «восторга сын». Экстатическое мироощущение Языкова имел в виду и Пушкин, когда говорил об «избытке чувств» в его поэзии, и Вяземский, определивший его стих как «огнедышащий». «Торжественность», «пышность» языковской поэзии заставляют вспомнить не только общий колорит и тональность поэзии Державина, но и его теоретические установки. В «Рассуждении о лирической поэзии» «высокость» или «выспренность лирическая» расшифровываются как «плод пылкого, высокого воображения, которое возносит поэта выше понятия обыкновенных людей и заставляет их, сильными выражениями своими, то живо чувствовать, чего они не знали». Там же «лирическое», «высокое» раскрывается как непрерывное представление множества «картин и чувств блестящих громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное», который «приводит в восторг», здесь же защищается определение поэзии как «говорящей живописи».⁵

Достаточно привести хотя бы несколько взятых на выборку типичных строф из лирики Языкова для того, чтобы продемонстрировать не только эти черты «державинского» в эстетике и поэтике Языкова, но и творчески преломленное прямое влияние державинских принципов строения образности и метафоризации. Вот как Языков пишет, например, о любви:

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,
Твои надежды...

(«Элегия»).

Самый образ любви и переживания поэта даны при посредстве живописных деталей предметного мира, и благодаря этому отвлеченные представления становятся конкретными, зримыми, чувствуемыми. Характерно здесь и само строение метафорического образа, «пышного», «торжественного»; любовь не только сравнивается с радугой — «лентой огнецветной» (которая, в свою очередь, метафорически раскрывается как «повязка сладостных дождей»), но оказывается еще «пышнее».

⁵ Г. Р. Державин, Сочинения, т. VII, СПб., 1872, стр. 537—538, 564.

Несомненна здесь близость образных деталей метафоры Державина:

... из лент полоса,
Огненна ткань...
(«Радуга»).

Самая возможность воспроизведения отвлеченных понятий через «вещные» метафоры была открыта в русской поэзии Державиным (ср., например, в «Изображении Фелицы», образ радости в виде лучезарных пылинок, сверкающих в воздухе).

Близкими Державину являются пластические торжественные пейзажи Языкова. Такова, например, типичная для Языкова пейзажная зарисовка в стихотворении «Две картины». Образ Чудского озера дан здесь в двух ракурсах — во время восхода солнца и в лунную ночь. Словно красочными мазками живописца воссоздаются представления озаренного солнцем озера:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое...

Дальше используются столь характерные для палитры Языкова краски: цветы радуги, пышность необозримой равнины, переливающая роса, светлеющая, словно блестки золота, — все это не только воссоздает изображаемый пейзаж, но и передает восторженное, напряженное мировосприятие поэта. Такими чертами нарисовано и лунное озеро:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом⁶
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом...⁷

Характерно, что и в изображении тихого ночного пейзажа Языков, следуя свойственной ему манере, также пользуется, подобно Державину, контрастными яркими красками: чернеющие образы лесов и безмолвная синяя пучина озаряются падающей с небесной высоты звездой, ее алмазными блестками. Державина напоминают и «молнийные» образы Языкова, например:

Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным...

Пушкин писал о Языкове: «С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется нет предмета, коего поэтиче-

⁶ Ср. у Державина: «Столбом багровый свет с небес» («На выздоровление мецената»).

⁷ Ср. у Державина: «Лучом кристалл твой загорится» («Ключ»).

скую сторону не мог бы он постигнуть и выразить живостью ему свойственной». Смелость и неожиданность оборотов Языкова истине замечательны: «звучит лесная глубина», «откровенное вино», «не занимательная травля», «мед ожидания», «неопытная кровь», «бестелесная мечта». Характерны для поэтики Языкова и неологизмы, например: «снеговершинный», «мимоходящий», «перепрыг», «искрокипучий», «водобег», «миговой», «своенародность», «тьмочисленный», «бурноногий». И здесь Языков учился у Державина (см., например, такие его слова, как «тенносвесистый» (клен), «ожурчаемый ключом», «обездушен», «черноогненный» (виссон), «голубосизый» (осетр), такие неологизмы, как «безнравье», «бегатели», «созвучник», «дождить» и т. п.⁸

Упомянутые выше черты поэтического стиля Языкова явственно свидетельствуют о его близости Державину, но, конечно, не означают подражательности: у Языкова почти нет свойственного Державину стилистического разнобоя, какофонии, создаваемой столкновением различных речевых слоев — высокой лексики и просторечия. Языков писал уже после того как Пушкин произвел реформу литературного языка, он учился у него. Близость Державину не мешала Языкову оставаться поэтом своеобразным, с собственной интонацией и, что особенно важно, — с собственной трактовкой даже близких тем. Но для понимания всего значения завоеваний Державина для русской поэзии нового периода изучение лирики Языкова весьма показательно.

Близость Языкова Державину интересна, однако, не только своими положительными, но и отрицательными элементами. Среди них (если говорить о художественном методе) выделяется свойственное Державину преобладание живописно-изобразительной стороны над аналитической, позволяющей посредством картин раскрывать сущность явлений, их внутренний смысл и многообразные связи с действительностью, с бесконечно-сложным миром человеческих переживаний. Подобный недостаток свойствен и Языкову. Причина его, разумеется, не исчерпывается влиянием Державина, она коренится в мировоззрении Языкова, но, тем не менее, эта ограниченность его поэзии однородна державинской именно по существенным признакам метода. Определяющей для произведений Языкова явилась эмоциональная стихия, преобладание чувства над мыслью, восприятия над изображением. Именно потому живописная, изобразительная поэзия Языкова никогда не подымается до сложного раскрытия характера лирического героя, именно потому его стихи — это, как правило, монологический рассказ о переживаниях, избегающий воспроизведения сюжетных ситуаций. Сама способность к живописной изобразительности, которая достигает у Языкова высочайшего мастерства, все же реализуется преиму-

---

⁸ См.: А. Запатов. Мастерство Державина. «Советский писатель», М., 1958, стр. 210—213.

щественно в деталях, а не является структурным элементом всей композиции, позволяющим глубоко раскрыть какое-либо явление или характер. Поэт с необычайным совершенством как бы одним взглядом схватывает отдельные черты изображаемого. Но это его умение служит, как правило, лишь выражению впечатлений о предметах. Еще при жизни Языкова в критике отмечалось, что самые сильные стороны таланта Языкова зачастую оборачивались его слабостью. Ксенофонт Полевой признавал, что стих Языкова «закален громом и огнем русского языка. Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка». Но вместе с тем Полевой подчеркивал, что достоинства Языкова можно выразить тремя словами: «Он поэт выражения». «Мы не нашли в нем никаких глубоких, многообъединяющих идей», — продолжал Полевой, отмечая свойственную поэту «односторонность».⁹ Белинский, утверждая, что «Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии»,¹⁰ в то же время на многих примерах показал, что односторонность его поэзии, недостаточность в ней идейного содержания, часто приводила к риторике и к предпочтению мысли — эффектности формы.¹¹ Языков не сумел соединить сильные, живописно-изобразительные, экспрессивные стороны своей поэтической системы с теми, которые у Пушкина — продолжателя лучших традиций поэзии XVIII в. и новатора, обозначили реалистическую эпоху в русской литературе.

Таковы в общих чертах контуры темы о «державинском» в поэзии Языкова, еще ожидающей развернутого исследования.

---

⁹ «Московский телеграф», 1833, т. VI, стр. 237.

¹⁰ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 561.

¹¹ Там же, т. VIII, стр. 451—459.